

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ РАЗРАБОТКИ

В.П. Макаренко

*Заслуженный деятель науки РФ,
академик Академии педагогических наук Украины,
доктор политических и философских наук, профессор,
Южный федеральный университет*

Впервые идея политической концептологии (или политической метатеории) была высказана мною в 1995 г. на международной конференции, посвященной столетнему юбилею Львовско-Варшавской школы, а затем изложена в первой публикации [19]. Вначале я хотел создать политическую концептологию (далее ПК) для обобщения цикла моих исследований проблем бюрократии, оппозиции, истории и теории марксизма, легитимности. Однако в ходе реализации замысла оказалось, что ПК не исчерпывается интеграцией перечисленных сфер исследования и не помещается в рамки канонической политической науки (далее ПН). Поворотную роль в формулировке такого убеждения сыграло изучение аналитической философии.

Исходная проблема

Применение аналитической философии (далее АФ) к изучению социо-политических феноменов началось недавно. В аналитических дисциплинах последних лет на первый план начала выходить политическая философия (далее ПФ) [6, с. 8]. Я занимаюсь ПФ давно¹. Мои штудии пересекаются с проблемой использования АФ для анализа отечественной социо-культурной и политической реальности. Применение философских методов для анализа конкретных объектов меня всегда интересовало больше философии как таковой. В 1995 я получил грант по теме «Метатеория политической реальности» и до 2000 гг. написал ряд книг и статей, посвященных анализу русской власти, главных идеологий современности, категории интереса и т.д.² Промежуточное резюме этих исследований можно сформулировать следующим образом.

¹ См.: [21]. Эта книга – первая в России с таким названием.

² См. [27; 52; 16; 24; 25; 14; 33; 17] и др.

Политическая концептология – это междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в ее взаимосвязях со всеми сферами социальной и природной реальности. В философии науки существуют разные концепции междисциплинарности, анализа и понимания. Для конституирования ПК главной является процедура *методологического выбора*. Этот выбор предполагает *дистанцирование* исследователя от реальных политических процессов, систем, конъюнктуры и всего корпуса социогуманитарных и политологических знаний. Необходимость дистанции определяется тем, что указанные феномены являются вариантами традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма и идеократии в региональном, национальном, государственном, цивилизационном и мировом измерениях.

Корпус ныне существующих политологических знаний есть комплекс пространственно-временных, властно-ситуационных и институциональных модификаций обыденных стереотипов поведения, экономического и политико-правового утилитаризма и прагматизма. Эти модификации отражены в системах международного, конституционного и обычного права, принципах государственного управления. Однако *различие* религиозных и светских идеологий, систем права и функционирования аппарата власти не преодолено ни в одном государстве современного мира. Поэтому комплекс нормативно-оценочных систем есть множество разновидностей повседневного, административного, юридического и политического нормативизма. Проблема состоит в разработке методологии анализа указанного различия.

Любая нормативно-оценочная система не является политическим фактом. Так называемая «реальная политика» связана с иной фактуальностью, типологическими схемами, пониманием разума, воли и интересов, нежели это предполагается философско-политическими доктринами, концепциями и проектами. Институты политических экспертов и советников более-менее «пристегнуты» к политическим процессам и конъюнктуре. Поэтому политики и эксперты не могут считаться субъектами адекватного познания реальности. «Рациональность» любых политических решений, программ и действий всегда сомнительна. Систематический анализ вытекающих отсюда политических ошибок как направление исследований делает лишь первые шаги. Это относится к целерациональному и субстанциальному пониманию рациональности (М.Вебер, К.Мангейм, теории индустриального, постиндустриального, сетевого и прочего общества) в теории и практике.

Если целерациональное и субстанциальное понимание рациональности не годится для описания политики, то как определить меру «рациональности» политических решений и действий? Один из распространенных способов – ссылка на интересы как конституирующий феномен социо-политической реальности. Однако реализация интересов всегда ведет к «неожиданным последствиям» и порождает «замкнутый круг идеологий» [48]. Ни одно

государство не смогло преодолеть ни того, ни другого. Другой способ – классификация групповых интересов данного общества по степени их политической выраженности, легальности и легитимности. Однако легальность и легитимность не совпадают ни в одном государстве. Кроме того, наиболее значимые решения никогда не принимаются публично. Этому способствуют институциональные и неинституциональные формы политического процесса. Нельзя также упускать из виду меру репрессивности культуры, общества, морали и социальных групп в отношении политического выражения любых социальных интересов. Следовательно, *конфликт* между «рациональностью» и действительными мотивами и целями участников политических процессов типичен для всех государств. А для АФ проблема рациональности является ключевой.

Этот конфликт не может быть адекватно отражен ни религиозными (иудаизм, христианство, ислам), ни светскими классическими (либерализм, консерватизм, социализм) и романтическими (анархо-свободомыслие, фашизм, традиционализм) идеологиями (такую типологию предлагает Н.Боббио). В XX в. к ним прибавились национализм, регионализм, коммунитаризм, феминизм, экологизм, этноцентризм, атлантизм, евразийство и другие идеологические гибриды. Они существуют ныне в мире и в России в самых причудливых комбинациях. Но их связь с цивилизационными и геополитическими концепциями в каждом конкретном политическом решении пока не изучена.

Все формы индустриального, социально-экономического, социально-политического и культурно-исторического овеществления способствуют производству и трансляции квазисубъектов экономических, политических и духовных процессов [34]. Неясно, как установить меру данной квазисубъективности. Видимо, здесь не обойтись без анализа отношения между нормативно-элиминационной и конструктивно-генетической концепциями факта во всем корпусе языка социальных наук, политологии и практической политики. Для АФ эта проблема является центральной.

В методологии науки показано, что не существует инвариантных базисных истин и единых критериев истинности для всех субъектов и объектов познания. Субъекты и объекты познания мозаичны и гетерогенны. Тактика выбора базисного основания знания зависит от той или иной формы приоритета индивидуального сознания над целокупным [37]. Но программа сбора первичных данных о политических процессах, институтах и решениях в контексте указанных идей пока не выработана. Неясно также, какую из концепций истины предпочесть при разработке такой программы.

Я думаю, можно исходить из того, что политические факты не зависят от опыта индивидов, участвующих в политических процессах. Если перефразировать Б.Рассела, то классы политических объектов сами не являются политическими объектами, но классы вещей и процессов, которые не являются политическими объектами, сами являются вещами и процессами, которые не

являются политическими объектами [1, с. 19-21]. В этом можно видеть исходный парадокс ПК. Он выражен в дискуссии об универсальной или локальной природе социальных и политических объектов и знания о них. О каком-либо итоге данной дискуссии говорить пока невозможно [8].

В сформулированном парадоксе каждая из альтернатив ведет к своей противоположности. Конфликт между ними может быть использован для систематизации множества *абсурдных событий в политической истории всех стран*. По сути дела, политическая история в основном и сводится к таким событиям. Однако мне неизвестна политическая история какой-либо страны (в том числе России), написанная под таким углом зрения. Хотя возможность такой историографии уже осознана [41; 4]. По мере ее реализации можно строить теорию политических типов. Она не может базироваться на субъект-объектном разделении мира, пространственно-временных характеристиках государств и культурно-цивилизационных принципах типологии, поскольку все они оспариваются. Следовательно, государства не являются субъектами социального развития или их время в качестве таких субъектов подходит к концу³.

ПК не может базироваться также на допущении о «здоровом смысле» практических политиков и властно-управленческих аппаратов государств. Такое допущение размывает границы традиционализма и современности и не дает возможности изучать *политику как мир реализованного абсурда*. Политический произвол и абсурд существует под прикрытием «воли Бога», «государственного разума», «здорового смысла», «исторических закономерностей», «модернизации», «мегатенденций», «цивилизационных вызовов» и тому подобного религиозно-научного жаргона. Однако независимо от фразеологии и контекста ее употребления большинство политиков всех времен и народов вдохновляются следующими мотивами деятельности: эмпиризм, оппортунизм, волюнтаризм, идеализм, эпигонство, индивидуально-групповой и организационный макиавеллизм как господствующий тип политической этики, искусство внутренней дипломатии. Ни тирания, ни демократия не в состоянии преодолеть эти мотивы. В результате политика стала неопределенным множеством действий, в составе которого прямое насилие все более заменяется символическим насилием и манипуляцией. Большинство политиков ведет игру с общественным мнением и не способствует разрушению указанных политических мотивов, стереотипов и иллюзий [32].

В XX в. развивались следующие тенденции: рост числа государств и властно-управленческих аппаратов; рост числа международных организаций; возможность превращения любого действия, стереотипа мышления и даже

³ См.: [49]. В последние годы литература о крахе государственности как таковой (а не ее отдельных воплощений) нарастает. Укажу несколько бестселлеров, переведенных на русский язык: [45; 10; 43].

чувства в «событие» внутренней и международной политики.⁴ Ни одна тенденция не предотвратила классических и современных форм насилия и манипуляции. Следовательно, нельзя приписывать статус бытия существующим государствам. Можно исходить из постоянного *колебания* между политическим бытием и небытием. Чем дольше существует то или иное государство, тем больше опасность превращения его в «онтологическую» реальность. Однако шаткость государств пока еще не стала принципом исследования политической истории и современного состояния государственности.

На данных фактах и тенденциях может строиться модель расширяющейся политической вселенной. В данной модели значимость фактов и событий устанавливается задним числом и «задним умом» политиков и их научно-религиозной обслуги. Поэтому политическая вселенная в большей степени потенциальна, нежели актуальна. Политическое время течет не вперед, а назад, при одновременном сужении политического пространства. Принимаемая «субъектами» политики трактовка времени-пространства непосредственно влияет на понимание ими политической ответственности. Однако теория политической ответственности (или вины) в ее уголовном, моральном, политическом и мировоззренческом измерении (проект К.Ясперса) пока не разработана [51]. Для этого требуется строгое знание о способах соединения в одно целое философских, аксиологических и прагматических элементов всех политических доктрин, концепций и программ. Такого знания не существует. Классические, романтические и пост-классические идеологии лишь в отрицательном смысле определяют то, каким будет вложенное в каждую из них содержание, как используются результаты осмысления эмпирии и какой последняя видится людям, участвующим в политических процессах. Следовательно, познание реальности на основе каждой из указанных идеологий (на уровне интересов, чувств и символов) остается дискуссионным [5].

Таковы главные итоги моих предшествующих исследований в области ПК. Что могут дать аналитические дисциплины для ее уточнения, конкретизации и развития? Для ответа на вопрос я написал две книги. В первой из них обобщил некоторые результаты и контекст аналитических исследований в области философии, экономической теории, социологии, политологии, права, историографии, во второй разработал ключевые политические концепты – от свободы и политики до республики и пределов толерантности [11; 19]. В этой статье дам краткую аннотацию основных результатов первой и второй книг.

⁴ Я имею в виду такие, к примеру, события: какова связь между рождением В.В.Путина и появлением концепции «суверенная демократия», которую идеологические холуи из «Единой России» нынче пропагандируют от его имени на полном серьезе? См. [46]. Потребность в систематизации множества таких фактов в истории всех государств рано или поздно породит своего Ф.Броделя... Впрочем, идею такой систематизации можно обнаружить и у А.Зиновьева, который характеризует всю партийно-государственную сферу нашей страны как ничтожества в отношении ума, талантов и нравственности: «Сколько я ни приглядывался к ним, я не замечал значительной разницы между ними, как не замечал разницы между клопами, забившимися в щели деревенского деревянного дома». [9, с. 13].

Базовые термины

Существуют разные понимания концептов. В философии науки под *концептом* понимается акт схватывания смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания. Концепт включает следующие параметры: полнота смысла выражения в целостном процессе произнесения; субъектность, смыслоразделительная функция и смысловое единство речи; в отличие от понятия концепт есть продукт возвышенного ума (духа), который способен творчески воспроизводить и собирать смыслы; концепт предельно субъектен и предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), актуализируя смыслы в ответах на вопросы и рождает диспут; память и воображение; направленность на понимание здесь и теперь; синтез способностей души: как акт памяти концепт ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее [36].

В последнее десятилетие концептология (сходные термины – концептуализм, концептивизм) используется для анализа общих проблем социо- и культуролингвистики [3; 44; 42] и рефлексии о будущем гуманитарных наук [50, с. 52-60]. Для меня особое значение имеет историко-концептологический метод. Он разработан Д.Б.Расселом для анализа физического, ментального и духовного насилия и базируется на изучении прямого, непосредственного и экзистенциального зла в христианстве и других религиях. Этот метод противостоит сравнительному религиоведению, теории архетипов Юнга, феноменологии и структурализму. Для обобщения используется материал социологии и истории идей: «История концептов имеет двойственную цель: объяснить развитие концептов и понять сами концепты. Этот метод предполагает реальность и важность самих по себе концептов, поскольку не события беспокоят умы людей, но суждения об этих событиях. История концептов подобна традиционной истории идей, но отличается от нее по двум пунктам. Во-первых, история концептов опирается на социальную историю... Во-вторых история концептов стремится к сочетанию «высшего» и «низшего» уровней мышления, теологии и философии, мифа и искусства, результатов сознательной и бессознательной деятельности... Концепт отличается от идеи тем, что он (1) имеет более широкое социальное и культурное основание и (2) содержит в себе не только рациональный, но и более глубокие психологические уровни» [39, с. 50-51].

Концепт не метафизичен, не объективен и не субстанциален. Его восприятие обусловлено психологическими и социальными установками наблюдателя. Концепт – это то, что думали о нем люди. Он заключается в традиции представлений, получившей общественное признание во время их высказывания или позже. Традиция концепта включает: верность образу; развитие, усложнение и дифференциация во времени; большое множество идей; центральная идея; постижение центральной идеи путем показа того, что

традиция целиком или частично не соответствует непосредственному восприятию тех или иных концептов.

Христианство - наиболее яркий пример истории концептов: «Истина христианства будет лучше всего раскрыта не исследованием его источников, а скорее наблюдением его развития в традиции... Персонификация зла получила наиболее полное развитие в иудео-христианской мысли... Этот метод признает важность социальной среды для формирования концепта, но самому концепту уделяет большее внимание, чем социуму» [39, с. 60-63]. История концептов обеспечивает: наилучшее из возможных определений зла; представление о концепте зла изнутри человеческой психологии; демонстрацию процесса развития мышления о зле; интеграцию религиозно-философских формул зла с мифологией, искусством и поэзией; связь с исторической социологией знания, глубинной психологией, феноменологией и традиционной историей идей; понимание проблемы зла и страдания [39, с. 65].

Эти замечания не исчерпывают проблемы историко-концептологического метода. Но в соответствии с темой сделаю следующую оговорку: физическое, политическое, ментальное и духовное насилие (которое воплощается во многих формах, включая политику) было и остается злом, едва оно выходит за рамки уголовно-правовых санкций. Историко-концептологический метод базируется на тщательном изучении истории и современной формы христианства. Поэтому религиозно-идеологическое насилие и манипуляция входят в предмет исследования. Этим объясняется отбор теорий, которые способствуют движению в этом направлении.

Теперь скажу о термине *политическая философия*. Вместо политической *философии* я мог бы использовать термин *теория* по причине распространенности представления о совпадении политической теории с политической философией. Я предпочитаю термин *философия* для акцентирования интереса к нормативной мысли. Выражение *политическая теория* означает не только нормативную, но и эмпирическую мысль, которая стремится объяснить, а не оценивать любые явления. Политическая философия безоговорочно высказывает оценки на основе принятого метода исследования. Но отсюда не вытекает методологический пуризм. Наоборот, круг поставленных проблем широк. Поэтому вопрос о возможностях определенной сферы знания не менее значим для нормативных целей, нежели вопрос о реальном состоянии дел в данной сфере. Я думаю, политическая философия не должна замыкаться в узкой группе специалистов, которые созерцают или изучают конкретные сферы и ценности. Поэтому описываю вклад разных научных дисциплин (аналитической философии, экономической теории, социологии, политологии, правоведения, историографии) в политическую философию.

Если речь идет о *политической философии*, то ее цель состоит в определении типов политических институтов, которые необходимы для

эффективного функционирования и динамики данного общества. Но в обычных обстоятельствах такие институты несвободны от многообразной социокультурной детерминации. Следовательно, политическая философия не обязана обеспечивать индивидов знанием о том, как они должны вести себя в несовершенном мире. В нем не было, нет и не будет идеальных институтов. Лица, стоящие у кормила власти, всегда используют политические институты в своих интересах. Теория не содержит указаний, которыми индивиды могут руководствоваться при решении проблемы политических обязанностей.

К тому же существует узкое и широкое понимание политических институтов. В первом случае в их состав входит избирательная система, парламент, система отбора лиц в институты исполнительной власти и т.д. Во втором случае в состав политических институтов входят все правовые, экономические и культурные институты, возникшие в результате политической деятельности. Я буду руководствоваться широким смыслом термина. Отсюда вытекает, что политическая философия изучает различные политические процедуры и социальные системы, для формирования которых используется политика. Предмет политической философии – множество институтов, которые создают «базисную социальную структуру» (если применить понятие Д.Ролза).

Теперь несколько слов об *аналитической философии*. Уже говорилось, что на протяжении последних 20-30-ти лет политическая философия стала главным предметом интереса аналитической философии. Правда, такой статус у нее уже был в XIX в., хотя в первой половине XX в. она его потеряла. Я уделяю преимущественное внимание трудам, которые появились после 1970 г. и еще не вошли в научный и политический оборот России. Просто сообщить о них коллегам (слушателям и читателям) – попутная, но важная задача. Разумеется, для обсуждения новейших концепций требуется комментарий ранее опубликованной литературы. Но эту задачу я реализую лишь в той степени, в которой она необходима для понимания современной ситуации в политической философии.

В неаналитической традиции трудно установить современность тех или иных концепций. Неаналитическая традиция тесно связана с фигурами прошлого, и потому присутствие философского музея восковых фигур здесь ощущается на каждом шагу. Например, современный постмодернизм (особенно его французский вариант) нельзя понять без учета наследия Ф.Ницше. Постмодернисты считают его пророком, предвосхитившим указанную интеллектуальную моду. То же самое можно сказать о других фигурах, которые пока не спрятаны в запасники музея.

Наконец, политической философией занимаются представители разных научных дисциплин, ссылаясь при этом на труды, принадлежащие к разным сферам знания. В любом случае происходит концентрация на междисциплинарных проблемах. Однако дисциплинарные различия создают множество трудностей. К сожалению, здесь не место их обсуждать. Остается

только надеяться на то, что коллеги заметят междисциплинарную связь политической концептологии с аналитической политической философией. По крайней мере, узнают о разных направлениях современной политической философии. А специалисты смогут ориентироваться, что происходит в других сферах знания.

Возрождение аналитической политической философии

В СССР не было политической философии. Ситуация начала меняться в 1990-е гг., но категории и объяснительные схемы исторического материализма по-прежнему владеют умами. Эта тенденция обусловлена множеством факторов, в том числе особенностями российского логического менталитета: многозначность и отказ от требования непротиворечивости при описании действительности; оперирование не понятиями и высказываниями, а объектами, не имеющими логического статуса [47, с. 8-9, 117; 9, с. 148-153]. Для полемики с данной тенденцией целесообразно использовать аналитическую политическую философию, которая базируется на противоположных посылах.

В частности, методологический выбор возникающей отечественной политической философии пока еще задан марксизмом, неомарксизмом, экзистенциализмом, ницшеанством, феноменологией, структурализмом и постмодернизмом, сложившихся в ходе критики Просвещения.

Альтернатива и дилемма

В отличие от указанных направлений мысли и практики аналитическая философия развивает главные посылки Просвещения: разрушение аристотелевского и средневекового образа мира; переосмысление природы знания и создание новой концепции знания; универсальный процесс *расколдовывания мира* (М.Вебер); отрицание всякого религиозного и морального смысла мира; создание различных способов обоснования ценностей (мораль, разум, чувство, произвол). И хотя каждое обоснование спорно, социокультурные преобразования последних трехсот лет осуществлялись на этой основе.

Аналитическая философия выдвигает идею сущностной спорности всей системы понятий социальных наук, ценностей и мировоззрений. Попутно она отвергает всю гегелевскую традицию социально-философского анализа, в том числе идею диалектики как универсального принципа познания морали и политики. Эта идея в большей или меньшей степени используется в различных вариантах отечественного и европейского постгегельянства.

В первой книге я детально описал политическое содержание неомарксизма, экзистенциализма, антигуманизма и постмодернизма. Показал, что неомарксизм не является критичным, поскольку усматривает революционную способность только у тех, кто с ним согласен. Например, идея Ю.Хабермаса – идеальная коммуникация должна служить достижению консенсуса – есть

рафинированное обоснование экономического угнетения и политического насилия.

Экзистенциализм онтологизирует свободу, ограничивает разум и оправдывает индивидуальный и групповой произвол. Характерно, что многие сторонники экзистенциализма оправдывали сталинизм, фашизм, колониализм. Из экзистенциализма невозможно вывести конструктивную концепцию политики.

Антигуманизм подорвал философский и политический статус субъекта, отбросил тотализирующие теории, понятия свободы выбора, индивидуальной и групповой аутентичности, показал случайность и произвол любой связи знака и значения. Разработал также принципы анализа политики: современный разум неотделим от институтов надзора; борьба за власть – основание всех социальных и политических институтов и дискурсов; социальная и политическая теория должна быть локальной и региональной практикой. Критика религиозного и светского гуманизма – продуктивный момент данного направления современной философии. Хотя споры по этому вопросу продолжаются.

Постмодернизм полагает критику легитимности современного разума следствием политической легитимизации современности. В политическом дискурсе воплощено тоталитарное господство над разнообразием. Разработана концепция мышления как множества различий и принцип деконструкции. Показано также, что современное метафизическое и политическое мышление есть множество иерархий насилия, для изменения которого культивируется внутренняя и внешняя критика. Но в постмодернизме тоже нет конструктивной концепции политики. Результаты постмодернистской критики не выходят за рамки главных направлений постпросвещенческой мысли. Позиция скептического наблюдателя равнозначна признанию status quo.

Все указанные тенденции можно обнаружить в советской и современной российской философии и социальных науках. Однако ни марксизм, ни экзистенциализм, ни постмодернизм не в состоянии осознать главную дилемму современности: участие в политике по-прежнему необходимо, но успех такого участия все более сомнителен.

Аналитическая пропозиция

АФ предлагает другую стратегию разработки проблем политической теории и практики – синтез философских, экономических, социологических, политологических, правовых и исторических аспектов исследования для решения данной дилеммы.

Философский анализ базируется на: отбрасывании социогуманитарного знания в той степени, в которой на его предмет, структуру и проблемы повлияли Руссо, Гердер, Гегель, Маркс, Кьеркегор, Ницше (и подобные им мыслители других стран); отрицании всех стилей философской мысли, которые сложились под влиянием религии, политики, экономики, культуры и медицины.

Аналитическая политическая философия – это нормативное мышление о социальных и политических институтах, необходимых для политической деятельности, а также систематизация когнитивных и социокультурных барьеров критики и преобразования социально-политических отношений и институтов.

В первой половине XX в. аналитическая философия не занималась проблемами политики. Это объясняется квалификацией ценностей как ненаучной проблемы и определением фактов как предмета эмпирических дисциплин, а не философии. В 1960-е гг. начинается применение методов и концепций аналитической философии для анализа политики. Формулируются три задачи: анализ политических воплощений ценностей свободы, равенства и демократии; изучение взаимосвязи философии и экономики; познание корреляций комплексов ценностей с политическими институтами. В начале 1970-х гг. Д.Ролз разработал теорию справедливости для обоснования универсальных политических ценностей современного общества и связал ее с методом *рефлексивного равновесия*. Это – стратегия обоснования нормативно-оценочного мышления в целом для установления принципов справедливой организации общества. Политические институты должны соответствовать принципам справедливости.

Анализ ценностей есть поиск правильной политической позиции и не сводится к критике культуры. Политическая позиция базируется на методах рефлексивного равновесия и контракта. Если шансы пользы и успеха неизвестны, то индивидуальный выбор консервативен независимо от социальных структур. Однако индивидуальная и социальная польза (материальное благосостояние, социальная карьера, престиж и т.п.) не оправдывают манипуляцию любым аспектом свободы;

Эти выводы Ролза подвергнуты критике теоретиками рыночной экономики, феминизма, коммунитаризма, анархо-капитализма. В итоге критики сформулирован вывод о невозможности реализации справедливости по ряду причин: недоступность информации; раздел современного мира на государства, включенные в международные сети торговли, права и управления; гендерное неравенство; разделение публичной и приватной сфер; ложность идеалов «свободы от ценностей» и автономного индивида; отсутствие конкретно-социологической информации о всех фактах несправедливости; неисторичность, нереалистичность и тоталитарные тенденции теории справедливости Д.Ролза. Одновременно высказаны продуктивные идеи: все государства аморальны, поскольку налагают налоги, применяют физическое насилие и пользуются монополией на легитимное применение силы; государство как политический институт не является гарантом права и справедливости; свобода выбора – это ниспровержение всех государств, кроме минимального; его задачи – защита граждан от насилия, воровства и мошенничества; политика должна опираться на ценности локальных обществ, а

не государств; политическая теория должна разрабатываться на основе множества социологических теорий.

Новейшая аналитическая политическая теория (1980-2000-е гг.) – это реакция на теорию справедливости. Главный предмет спора – роль контракта в установлении справедливости. В зависимости от его оценки контрактualизм разделился на экономический и политический. Экономический сформулировал следующие положения о природе контракта: обоюдная польза сторон, интересы и убеждения которых сформировались до контракта; взаимные уступки для выигрыша обеих сторон; исключение обмена, при котором одна сторона влияет на другую. Политический контрактualизм базируется на других посылах: контракт обязателен для сторон; есть следствие обсуждения общих интересов; способен устоять в дискуссии; предполагает одобрение всего (или большинства) общества. Сформулированы также общие выводы: в политике интеллект значим больше, чем в экономике; наиболее предпочтителен социальный порядок, который избран в результате нейтрального диалога – ни один индивид и концепция блага не считаются хуже остальных.

Главные сферы исследования аналитической политической теории – политическое благо и политический выбор. Теория блага есть комплекс объективных требований, которым должны удовлетворять политические ценности. Теория выбора – это принципы классификации подходов к установлению политических институтов. Главные посылки теорий политического блага и политического выбора – универсальный персонализм и ценностный солипсизм. Политическое бытие – это конфликт политических институтов и индивидов. Персонализм – это принцип, согласно которому благо и зло людей зависят от политических институтов. Персонализм отрицает доминирование общих интересов и политических институтов (народов, обществ, государств и культур) над индивидуальными интересами. Судьбы людей не должны быть связанными с бытием государств и других политических институтов. Политические ценности не зависят от критериев оценки. Институты должны соответствовать благу индивидов, а не наоборот. Равенство – главная ценность современности. Смысл политических институтов определяется их ценностью для индивидов. Отсюда вытекают следствия: политические институты не имеют надындивидуального смысла; социальные привилегии индивидов не являются политической нормой; государство не есть политическое благо; политическое благо – это применение в политике принципа равенства.

Согласно принципу нормативно-оценочного солипсизма, любая ценность может быть главной политической ценностью и критерием политической оценки. Существуют внесоциальные (благополучие, счастье, польза, негативная и позитивная свобода), социальные (культурная гармония, социальный порядок, политическая стабильность, правопорядок) и промежуточные (активное и пассивное равенство) ценности. Внесоциальные

ценности (польза, негативная свобода, личная автономия, благосостояние и пассивное равенство) есть главные политические блага, критерии политической оценки и основание политических дискуссий. Демократия, правопорядок и т.д. являются ценностями лишь в той мере, в которой культивируют внесоциальные ценности.

Отсюда вытекают важные политические следствия: свойства изолированного индивида - главный критерий политических ценностей; изоляция индивидов - социальная и политическая норма; политика – это процесс доказательства большей ценности политических решений по сравнению с бытием множества индивидов; если таких доказательств нет, политика превращается в сферу абсурда; социальные и промежуточные ценности надо отделить от государства и других политических институтов.

Для описания отношения между политическим благом и политическим выбором аналитическая политическая теория ввела различие консеквенциализма и деонтологизма. Консеквенциализм полагает возможным и необходимым применение репрессий для обеспечения свободы. Деонтологизм считает, что обеспечение свободы может и должно обходиться без репрессий. Любая ценность может быть реализована с помощью консеквенциалистской и деонтологической стратегии. При анализе политических институтов надо учитывать различие институционального обеспечения и уважения ценностей. Государство и другие политические институты обязаны соблюдать ценности в первом и втором смысле слова. Однако сложился и развивается конфликт данных стратегий. Он не преодолен ни в одном государстве мира. При функционировании государства эффективное обеспечение ценностей всегда связано с нарушением множества подзаконных актов. Поэтому административно-распорядительная деятельность государства тоже есть сфера абсурда.

Консеквенциализм и деонтологизм используются также для классификации политических теорий современности. Политический выбор может определяться как достижение определенных ценностей и как решение, независимое от них. Это различие – основа теорий политического блага и политического выбора. Политическое благо есть решение субъекта о выборе определенной ценности в пространственно-временных обстоятельствах для ее практического воплощения. Однако консеквенциализм не выработал теорию соотношения средств и целей применительно к данному месту и времени и отрицает значение ценностей в политическом бытии. Деонтологизм не снимает ответственности с человека за любой выбор. Под этим углом зрения можно рассматривать все политические взгляды, доктрины, государства и институты.

Проблема реализации выбора является центральной для аналитической *экономической теории* (далее АЭТ), которая разрабатывается в последние десятилетия и переосмысливает традиционную концепцию человеческих желаний [35]. АЭТ дает новую формулировку понятий «привлекательности

(аттракторов)», «оптимальности», «общего блага», «политической конкуренции», «демократии». Комплекс данных понятий позволяет описать возможности реализации выбора в разных социальных и политических системах, синтезировать результаты философского и экономического анализа политики и отвергнуть либеральную концепцию индивидуального выбора.

В частности, понятие оптимальности Парето базируется на сравнении состояний мира и формулировке социальных и этических норм на основе консенсуализма, персонализма и индивидуального выбора. Однако критерий Парето бесполезен при оценке практической политики. Существует два способа решения этой проблемы: определение оптимальности как положения вещей, которое не нуждается в улучшениях; ограничение оптимальности выбором основных правил социальной, экономической и политической игры. На этой основе возникла институциональная компаративистика как альтернатива актуальным формам рынка и политики.

Реализация выбора предполагает постоянство этических норм, дистанцию между целями и предметами выбора, отрицание этического идеализма. В результате анализа данных проблем сформулированы понятия горизонтальной справедливости и несправедливости. Все существующие системы государственных налогов и налоговой политики исключают равенство и справедливость. Политические действия/программы/институты функционируют на основе индивидуального выбора и ведут к нежелательным последствиям. Поэтому все политические решения не являются лучшими из возможных. Политика – это лавка старьевщика, для изучения которой разработана *теория поддержанных вещей*.

Рынок не может служить критерием истинности социальных теорий. Политические и экономические институты развивают социальный паразитизм. Рынок базируется на традиции мышления, для которой главной является категория явного выбора. Тем самым рынок смешивает вкусы, желания, выборы и ценности. Функционирование рынка базируется на недоказанной послышке: в каждом его звене имеет место оптимальное сочетание противоположных склонностей. В результате действия индивидов освобождаются от этического контроля. Рынок культивирует этический нигилизм. В рыночном обществе ни один индивид не может максимально реализовать собственные ценности по причине аналогичных стремлений других индивидов. Польза не является универсальным правилом человеческого поведения. Если польза считается главной ценностью, большинство общества предпочитает стабильность, твердую власть, неравенство, несправедливость и мошенничество. При таких условиях общий выбор порождает множество непредвиденных последствий.

Современная экономика базируется на постулате экономии на добродетели. Он вытекает из двух принципов: люди никогда не поступают в соответствии с интересами общества; частный интерес – главный мотив

человеческого действия. В результате демократические институты не решают проблему «принципал–агент». Для ее решения надо отбросить все концепции общего блага как независимого от интересов граждан, но производного от государственных интересов. Политические институты государства обходят эту проблему, поскольку равновесие и оптимальность рынка согласовать невозможно. В результате возникает трагедия общих благ. Неэффективность рынка – это бесконечное число версий дилеммы заключенного. Нормативные соображения в пользу рынка при анализе проблемы общего блага не имеют смысла. Рациональность индивидуальных действий в пользу общего блага при господстве рынка всегда проблематична.

Указанные правила и закономерности отражаются в политике. Претензии всех правительств на выражение общего блага есть просвещенный деспотизм. Он всегда противостоит индивидуальным мотивациям и социальным институтам. При демократии роль правительства выполняют политические институты, которые отвергают этические нормы при принятии решений. В результате недостатки рынка отражаются в недостатках государственной политики. Общее благо недостижимо ни посредством рынка, ни с помощью государства.

Политическая конкуренция при демократии – это комплекс следующих свойств: связь общего выбора с политической формой; модель среднего избирателя базируется на постулате: если позиции избирателей соответствуют одному спектру политических взглядов, то политическая конкуренция двух (и более) партий дает результаты, близкие к центру данного спектра; однако политическая конкуренция вынуждает партии двигаться к идеалу среднего избирателя; если результаты выборов соответствуют модели среднего избирателя, они не оптимальны; партии обычно отказываются от программных целей; в итоге возникает постоянная политическая нестабильность.

Демократия – это запрограммированная инерция политических процессов и институтов. Выборы порождают проблему нестабильного большинства. Нестабильность – следствие политических процедур демократии, при которых избиратели голосуют за бесполезные и вредные для общества решения. Принцип большинства и ссылка на общие интересы населения в избирательных кампаниях потеряли смысл. Демократия не решает проблему общего блага. Поэтому любое вмешательство государства в рыночные процессы дискуссионно. При любом вмешательстве государства в рынок обостряется проблема реализации выбора. Если государство вырабатывает и реализует экономическую политику, все решения в данной сфере надо анализировать с помощью описательной, а не нормативной модели политики.

Теория общего блага не дает адекватного описания обязанностей правительства. Альтернативная теория государства предполагает описание главных и побочных аспектов неэффективности правительств и аппаратов управления. В настоящее время в экономике используется негероическая

теория человеческого поведения. Она стала элементом экономического дискурса и подменяет описание оценкой человеческого поведения. Следовательно, постулаты и выводы либеральной экономической теории не выполняют дескриптивной функции. А наличные социальные и политические институты воплощают идею о худшем из возможных миров.

Для исследования этого мира применяются *социологические* методы [29]. В частности, сравнительный анализ концепций Э.Дюркгейма и М.Вебера позволяет сделать общие выводы: концепция Дюркгейма несвободна от ряда недостатков. Главные из них относятся к проблемам политических свойств, отношению морали и государства, отношению социальной структуры и морали. На деле вторичные социальные группы есть множество клик, свободных от обязанностей перед государством. Их существование не является необходимым условием государства. У Дюркгейма нет строгого определения критериев политического общества. Цели государства невозможно вывести из знания о том, чем оно реально занимается. Количественный и качественный рост государственных функций порождает множество абсурдных ситуаций. Функционирование государства порождает проблему классификации видов политического абсурда. Сильное государство не нужно для развития индивидуальной морали. Наоборот, стойкость индивидуальной морали проверяется отсутствием государственной поддержки. Без социологических исследований трудно понять, оценить и улучшить социальную мораль.

С другой стороны, Вебер пренебрегает различием конструктивной и деструктивной харизмы. Смешивает политическую инновацию и стагнацию с харизмой и бюрократией. Не дает строгого определения политической инновации. Бюрократизация характерна не только для социалистических (как считал Вебер), но и для капиталистических стран. Политики не всегда стремятся, а бюрократия не всегда сопротивляется социальным изменениям. Нет этически нейтральных фактов и успешно действующих менеджеров.

И все же Дюркгейм и Вебер поставили один вопрос: могут ли социологические методы и информация служить основанием выбора социальных и политических альтернатив? Дюркгейм отвечал на него положительно, Вебер – отрицательно. Если стоять на почве фактов, то социальные изменения XX в. (от революций до реформ) были делом лиц, в наименьшей степени способных их осуществить. Для предотвращения этой тенденции в первой трети XX в. в некоторых странах начало складываться взаимодействие социальных реформаторов и политиков с социологией и политической философией. Политическая философия выполняет функцию неявных посылок – принципов и постулатов философской аргументации. В этом контексте поставлены проблемы соотношения благ и социального контекста, социальности и нейтральности, аутентичного общества, тенденций и оценок. Процесс их изучения в 1980-90-е гг. показал, что методологический индивидуализм пренебрегает фоновыми убеждениями и

практиками. Взаимопонимание - свойство общества, а не его отдельных членов. Социальные блага несводимы к индивидуальным благам. Трактовка социальных благ как индивидуальных фиксирует их каузальную и логическую зависимость от социального контекста.

Согласно либеральному шаблону, политические институты свободны от детерминации конкурирующими сторонами, а идеал нейтральности государства воплощает определенные ценности. Такой подход порождает проблемы, которые не может решить либеральное государство. Нейтральность воплощает конфликт социальности с мерой ее воплощения в политических институтах. Чувство социальной принадлежности, тождество индивида с обществом и социальной ролью – случайные характеристики индивида. Индивид обладает разными идентичностями при достижении конкретных целей в пространственно-временных обстоятельствах, от которых зависит чувство социальной принадлежности. Если оно конституирует идентичность, различие случайных и необходимых свойств исчезает. Поэтому следует исходить из конфликта чувств социальной и государственной принадлежности.

Аутентичное общество - это мера независимости граждан от государства и воспроизводство общины на уровне политической рефлексии. Для достойной жизни надо принимать участие в делах общества, а не государства. Социальные изменения, которые осуществляются недовольными индивидами, одновременно усиливают и уменьшают социальные чувства остальных членов общества. Общие цели и ценности возникают только в аутентичном обществе. Однако его бытие должно быть доказано методами, более достоверными по сравнению с психологией.

При выборе политических решений/программ/ценностей неявные послышки обычно не являются предметом эмпирических исследований. Это порождает бесконечную дискуссию о специфике современного общества, в которой смешиваются дескриптивные и нормативные аспекты поведения людей. Для преодоления данной дискуссии надо учитывать специфику суждений о тенденциях. Число факторов изменения социальных тенденций бесконечно. В политике изменение суждений о тенденциях есть следствие изменения индивидуальных убеждений для приспособления к изменившимся обстоятельствам. Эти изменения выражаются в политических оценках, взглядах, теориях и аргументах. Истинность суждений о тенденциях всегда проблематична. Публичный аргумент от тенденции может быть началом ее изменения и распада. Открытие тенденции нередко меняет политические убеждения. Строгой методики анализа таких изменений не существует.

Таким образом, индивидуальный выбор не является основанием социальных ценностей, а социальные и политические институты не воплощают данный выбор. Такой выбор невозможно реализовать на практике. Требуется пересмотр принципов справедливости и суверенитета, сложившихся в Новое время и до сих пор легитимизирующих государственный произвол.

Аналитическая *политическая наука* изучает распределение власти и отношение между намерениями властвующих и социальными последствиями, к которым они привели [18]. Намерения закрепляются в политических структурах и обретают самостоятельную жизнь, ограничивая другие способы осуществления власти. Социальные и политические структуры – продукты множества случайных следствий деятельности множества субъектов. Этим определяется главная проблема АПН: как человеческие действия воплощаются в жизнь с помощью структур, в которых реализованы предшествующие уклады социальных сил? При ответе на вопрос надо учитывать феномен шаткости демократии. Он выражается в невежественности избирателей, безответственности элит, недостатках политического рынка и несоответствии модели взаимных услуг реальной политике. Большинство людей не выполняет функцию гражданина. Отказ от участия в выборах – наиболее рациональный способ индивидуального поведения. Демократия полагает нормой незнание избирателей. Избиратели руководствуются чувствами, а не разумом. Поэтому институт выборов нерационален и потерял смысл. При демократии существует безответственное осуществление власти политическими элитами. Циклы внутренней политики определяются воспроизводством больших структур на разных уровнях власти. В этих структурах сконцентрирован выбор группы лиц и организаций, власть которых не зависит от демократических процедур. Поэтому диспропорция (а не равновесие) власти – универсальная закономерность демократии. Она усиливается структурной властью среднего избирателя и отношением между центром и периферией внутри страны и на международной арене. В результате демократия воспроизводит колонизацию внутри страны и за рубежом.

Демократический политический выбор есть иллюзия, которая базируется на недоказанных посылах: партии предлагают гражданам действительный социальный и политический выбор; каждая партия выполняет программные и избирательные обещания. Однако движение партий к центру (при двух- и многопартийной системе) показывает, что они не предлагают гражданам никакого выбора. Ни одна партия не преодолела рационального незнания избирателей и даже не стремится к этому. Возникла монополия партий на решение определенных социальных проблем. Но после победы на выборах партии не выполняют своих обещаний. Политическое участие характерно для парламентариев и политических элит, а не для граждан.

Для устранения этих явлений политика должна приобрести совещательный, а не обязательный характер. Политика как сфера свободной публичной критики предполагает независимость населения от групп интересов и политических партий. Но механизмов такой независимости не существует. Электоральные кампании отличается случайностью и произволом. Принцип большинства ведет к порочному кругу и исключает общий выбор. Способы решения этого парадокса (процедура голосования, последовательность

индивидуальных политических выборов, структура политических институтов) уменьшают, но не исключают вероятность порочного круга.

Реализация политического выбора предполагает согласие граждан по вопросам единства нации, общеобязательности политического выбора и правил политического дискурса и отражения в политическом выборе индивидуальных выборов. Такое согласие в принципе невозможно, поскольку оно связано с унификацией мнений по вопросам, относительно каждого из которых существуют конкурирующие теории. А политические институты демократии не отражают индивидуальные выборы. Отсюда вытекает *противоположность* намерений и следствий политических действий при демократии. Она не в состоянии преодолеть влияние власти в организациях на достижение определенных политических результатов, бюрократизацию организационных структур, иллюзию доверенного исполнителя, институциональные интересы и бюрократическую модель вневедомственных соглашений. Логика организационных структур противоречит демократическим институтам. Не менее значимо вмешательство государства в экономику по следующим причинам: рынок не дает необходимого количества социальных благ и порождает негативные результаты; различного отношения граждан к экономическому и политическому выбору; рыночного распределения как результата распределения власти. В конечном счете любое вмешательство блокирует социальное равенство. Связь экономики и политики – главная причина авторитарных социальных тенденций. Экономика и политика – различные сферы эксплуатации.

Демократия воплощает надежду на смягчение экономической эксплуатации и политического угнетения путем регулярной смены правительств и парламентов. Социализм воплощает надежду на справедливое распределение доходов и богатства. В XX в. обе надежды рухнули. Носителями неравенства при социализме оказались лица и группы, политически ответственные за обеспечение равенства. А нормативная теория демократии не учитывает случайный социально-исторический характер прав и свобод. Для развития дескриптивной теории демократии надо соединить критику теории прав человека с критикой конкретных обществ и социальных ситуаций и отбросить любые варианты авторитаризма. Этот политический строй соединяет свойства экономической эксплуатации и политического угнетения под маской «развития экономики».

Для противодействия авторитаризму следует отвергнуть идею и процедуры социального и политического консенсуса. Реальные демократии воплощают политический торг – раздела добычи и трофеев между старыми и новыми элитами и кликами. Политика способствует трансляции прежних элит и клик в новые условия. Консенсус возможен только при решении проблемы пределов политики. Для ее анализа сформулировано понятие конструктивного безумия. Оно означает преодолимость всех барьеров, всеобщность возможного

мира и легитимизацию экономических и политических кризисов и революций. Эти социальные феномены открывают новые направления социальных изменений и потому не являются абсолютным злом.

Нормативное политическое знание включает легитимизацию, критику и делегитимизацию всех политических фактов, тенденций и систем. Эти цели частично реализуются в *аналитическом правоведении и аналитической философии права* [12]. Оба направления изучают природу и легитимность государства как источника права, а также конкурирующие концепции природы права и юридические аргументы при выборе, интерпретации и применении законов. Выводы современных концепций политического реализма, экономического, критического и феминистского анализа права состоят в следующем: уголовное судопроизводство и конституционное право неэффективны; гражданское судопроизводство зависит от материальных интересов индивидов и групп; установленные и фактически исполняемые законы отождествляются; невозможно строго определить цель, эффективность и политические последствия любого закона и законодательства в целом; на процессы применения права влияют лица, группы и организации; правовой формализм невозможно воплотить в социальную жизнь и юридическую практику; юристы смешивают правовую идеологию и социальную реальность; юридические дискуссии не решили ни одной социальной и политической проблемы; определение границ свободы порождает юридическую казуистику; любой закон обладает одновременно положительным и отрицательным политическим и социальным содержанием; чем больше государство и политика довлеют над правом, тем ниже его эффективность; правовое регулирование социальных отношений неэффективно; перспективы юридического регулирования социальных отношений зависят от меры противостояния права государству и политике.

Интересные результаты получены в *истории политической мысли*. Здесь сложилась парадоксальная ситуация: историки скептически оценивают значение исторических исследований для современной политической мысли, но вносят важный вклад в анализ классических проблем ПФ; философы используют классические тексты для решения проблем современного общества, но полагают невозможным освобождение политической мысли от детерминации историей культуры. Позитивисты высоко оценивали значение ИПМ для анализа современности. Аналитические историки в 1960-е гг. начали обсуждение вопроса: действительно ли классические тексты политической мысли бесполезны при решении сегодняшних проблем?

В результате дискуссии сформулированы методологически важные положения. Главная проблема традиционной политической мысли – распределение и производство благ. В XX в. решением этой проблемы стали заниматься правительства. Политическая мысль оторвалась от политической практики, а экономическая вошла в альянс с правительствами. Но критика

утилитаризма привела к отказу от интересубъективного сравнения пользы при создании теории человеческого поведения. Проблема человеческого страдания была исключена из поля зрения экономической теории, а трудовая теория стоимости заменена понятием справедливого обмена. Современная экономика базируется на равенстве как главной норме социальной морали (принцип Парето). Эта норма тождественна принципу самосохранения, но не является аксиологически нейтральной.

На протяжении первой половины XX в. в социальных науках сложилось две тенденции: оценки не являются продуктом рационального мышления; граждане должны принимать решения о моральных основаниях политики. Эти тенденции доминировали в ИПМ первой половины XX в. Классические произведения рассматривались как способ передачи гражданам комплекса «вечных ценностей», на которые надо опираться при выборе. Одновременно в период господства позитивизма сложилось убеждение в истинности разделения фактов и ценностей и объективности ПН. Большинство политологов и политических философов отвергают вывод о ложности политической теории. Но поскольку проблема социальных ценностей неразрешима в рамках индивидуального выбора, статус ПН остается неопределенным.

АПФ определяет философскую рефлексию как активность, которая не отличается от других действий исторических субъектов. Классические тексты – это социально-исторические действия. Корпус классических текстов ИПМ образует наследство общества и материал, без овладения которым невозможно объяснение и понимание. В его состав входят *языки, стереотипы и парадигмы*, которые надо извлечь из забвения. Традиционная ИПМ считает, что из классических текстов следует извлекать политические ценности. Критика традиционной ИПМ идет в двух направлениях: использование результатов АПФ для квалификации ИПМ как элемента историографии; неопределенность и противоречивость современных политических теорий объясняются на основе исторических источников. В этом контексте дихотомия позитивной и негативной свободы теоретически оправдана, но на практике негативная свобода воплощает форму правления, которая отвергает элементарные права индивидов. Из классических текстов извлекаются три основных категории: ответственность индивида; понятие общества как непредвиденного следствия человеческих действий; доверие как основа нормативно-оценочных систем и общественных отношений. Эти категории обладают описательным и нормативным смыслом одновременно.

С учетом данных выводов изучается контекст политической мысли и формулируется идея множества историй. У политических понятий нет строго определенного и постоянного пространственно-временного и социального смысла. Нет пока и удовлетворительного объяснения причин обращения философии к историческим исследованиям. По крайней мере, оно должно учитывать общее положение: не существует социального эквивалента

индивидуальной пользы памяти. Способ функционирования социальных институтов скрывает историю определенных идей. Ее реконструкция необходима для понимания непонятных обычаев и убеждений. История идей связана с социальной, политической и лингвистической историей. Поэтому значение классических текстов ИПМ больше значения истории социальных и политических институтов. Проблема изменения контекстов становится центральной для политической философии. При ее изучении можно исходить из методологического кредо: государство не является постоянным, независимым и объективным бытием. Под таким углом зрения рассматриваются социально-политические изменения рубежа XX-XXI вв.

Промежуточные замечания

Я не исчерпал результаты аналитических исследований. Но нетрудно убедиться, что они предлагают определенную политическую теорию, которая включает анализ философско-мировоззренческих, экономических, социологических, политических, юридических и исторических измерений социального бытия. Проблема субординации данных результатов пока не является предметом исследования. Ограничусь общим вопросом: применимы ли эти результаты для анализа и оценки постсоветской реальности? Предварительный ответ тоже будет декларативным, поскольку каждый вывод должен быть проверен на основе эмпирического анализа философско-мировоззренческих, экономических, социальных, политических, юридических и историографические аспектов этой реальности. Покажу это лишь на одном примере.

Ранее говорилось, что связь экономики и политики - главная причина авторитарных тенденций, которые соединяют экономическую эксплуатацию с политическим угнетением под предлогом «развития экономики». А.Ослунд провел конкретное исследование посткоммунистической трансформации в 20 странах и сформулировал ряд эмпирически доказанных выводов: посткоммунистическая трансформация – это борьба сторонников рынка и рантье; последние поставили главной задачей переходного периода сохранить условия для извлечения ренты; исходные условия трансформации были различны в разных странах; степень развития демократии и гражданского общества перед падением коммунизма существенно влияет на процессы и результаты экономических реформ; падение объемов производства – статистическое заблуждение, поскольку официальная статистика всех стран не отражает рост неофициального сектора; объем производства в странах советского блока был завышен, поскольку в состав ВВП включалась деятельность и продукция военно-промышленного комплекса; радикальные реформы не снижают объемы производства; различие стран Центрально-Восточной Европы и СНГ объясняется сохранением рублевой зоны и государственной системы торговли в СНГ; бюджетная политика большинства постсоветских государств не сокращает государственные расходы;

государственные доходы и налоги остаются на высоком уровне; масса приватизированных предприятий ниже 2/3 ВВП; рост социального неравенства и нищеты типичен для стран, проводящих половинчатые реформы; макроэкономическая нестабильность не вызывает больших волнений в обществе. В ходе трансформации выявилось три пути: реформаторы построили демократические государства с динамичной экономикой; рантье строят частичную демократию и приватизированную экономику, стимулируя извлечение ренты взамен темпов роста; противники реформы установили диктаторские режимы и контролируют экономику. В итоге рантье и диктаторы попали в ловушку экономической и политической нестабильности. К таким странам относится Россия [38, с. 27-29].

Анализ отношения между рантье и диктаторами в постсоветском пространстве показал: существует прямая связь между вмешательством государства в экономические процессы, коррупцией и размерами госаппарата. Госаппарат большинства постсоветских стран контролирует государство и стимулирует рост преступности. Установленные правила выборов и финансирования избирательных кампаний влияют на формирование партий и другие политические процессы. Реформы деятельности правительств и государственной службы не сопровождаются контролем общества за деятельностью правительств. В итоге на постсоветском пространстве возник феномен выборной ловушки незавершенных реформ, который включает слабый общественный протест и войны. Население большинства стран постсоветского блока (за исключением Польши и частично Венгрии) пока не научилось контролировать государство.⁵

Таков конкретный смысл тезиса о связи экономики и политики как причине авторитарных тенденций постсоветских стран. Требуются аналогичные уточнения всех ранее приведенных положений на основе эмпирического анализа. Но в любом случае их эвристическое значение отвергать нельзя.

В частности, первое обсуждение перечисленных идей, проблем и выводов показало: коллеги старшего поколения прохладно относятся к АФ и по-прежнему считают марксизм-ленинизм *научной идеологией*, подходящей для обоснования текущих политических решений; коллеги младшего поколения рассматривают применение АФ к изучению постсоветской реальности как новую, идеологически неангажированную модель политической теории: «Барахтанье в оставшемся после марксизма море мифологем не сулит ничего нового, кроме методологического произвола и анархии. Аналитическая философия создает антологию не только нерешенных, но и незамеченных проблем демократического строя. Она формирует пространство в ситуации

⁵ См. [38, с. 506-574]. В своих работах по проблеме бюрократии я (в отличие от М.Вебера и его последователей) предлагал называть государственные аппараты социальными *организмами-паразитами*. А.Ослунд после конкретно-социологического анализа приходит к более радикальному выводу: они являются *хищниками*. См. [38, с. 513].

проблемной демократизации и формулирует принципы анализа современных постсоветских национальных государств» [40].

Я рад такой оценке и воспринимаю ее как стимул для дальнейшей работы. Аналитические дисциплины сформулировали проблемы, категории, понятия и принципы анализа философских, экономических, социологических, политологических, правовых и историографических аспектов политического бытия и мышления. Этот инструментарий можно применять для оценки состояния всех перечисленных наук и политических трансформаций постсоветских стран. Синтез аналитических дисциплин дает возможность иначе взглянуть на духовно-политическую ситуацию в России и других странах СНГ и Восточной Европы, противопоставить ей другую структуру познавательных и политических проблем и извлечь нетривиальные следствия. Однако на быстрые изменения ситуации не стоит надеяться – традиции аналитической философии не существовало в нашей ойкумене ни до, ни после 1917 года.

На сколько лет или десятилетий затянется создание такой традиции? – ответить невозможно. Надо продолжать закладку фундамента, не надеясь на популярность и быстрый успех. Поэтому во второй книге я проанализировал вопрос: как работают методы АФ при анализе традиционных понятий и проблем политического языка?⁶ В качестве лакмусовой бумаги взял типичный словарь. Его авторы пишут, что он адресован специалистам-политологам и широкому кругу читателей, содержит политическую лексику и фразеологию, отобранную и описанную с учетом современных социально-политических реалий.⁷ Не исключено, что на фоне этого словаря прояснится специфика аналитического подхода к политике.

Политические концепты – «зачинающие понятия»⁸

Резюме понятий и проблем политической теории на основе аналитического подхода выглядит так.

Свобода воплощается в институтах поддержки гражданских прав и доблестей индивида. В любом случае решение проблемы свободы невозможно без опоры на множество социальных теорий. Методологический и политический выбор определяется вопросом: почему при любых обстоятельствах государство ослабляет общество, не обеспечивает порядок и безопасность и становится дилетантом во всех вопросах социальной жизни?

Потому, что *политика* есть идеальный тип грязного дела. Квалификация государства как носителя суверенитета наносит вред обществу. На деле политика и управление государством есть *грязное анонимное дело*. При анализе этой проблемы надо обойти тупик фактуально-статистических измерений, который полагает неизменным всеобщий отказ от моральной ответственности.

⁶ Этот вопрос мне поставил П.Н.Мирошниченко, и я его благодарю.

⁷ См.: [2, с. 3]. В дальнейшем – Словарь.

⁸ Метафора для обозначения концептов как «зачинающих понятий» принадлежит М.Эпштейну.

Контекст политической жизни есть объект моральной рефлексии и структурных изменений по мере создания мнимой потребности в *грязном анонимном деле*, которая кажется глобальной и вечной [28]. Возникает иллюзия: только в конфликте с политикой мораль обретает самостоятельное бытие и выполняет роль запрета или проблемы. Мораль была и остается динамичной силой политических изменений. Надо так определить политический дискурс, чтобы в нем фиксировались все аспекты указанной проблемы.

Современный *политический дискурс* исключает эссенциализм [22]. Политический субъект не есть субстанциальное *cogito* и структуралистское рассеяние гносеологических позиций. Политический субъект – это пустое пространство, которое пытаются определить и заполнить разные политические силы. Для объяснения политической субъективности и идентичности необходим пересмотр всех деиндивидуализированных определений политики (как участия в общих делах, направления деятельности государства, силы, общественной службы, борьбы, компромисса, искусства возможного и т.п.).

Современная политическая теория акцентирует автономность индивида как спектра нереализованных политических возможностей. Любая форма коллективности противоречит автономии индивида. В большинстве случаев власть наносит вред самостоятельности индивида. Сущностная спорность понятия власти позволяет квалифицировать несогласие как постоянное свойство политического дискурса. Эта возможность частично реализуется в политических дискуссиях граждан и спорах политиков и ученых. Всякое устранение несогласия (путем обхода, применения силы, религиозного и идеологического обращения в свою веру, манипуляции) наносит вред обществу. Согласие достижимо только посредством власти разума. Такая возможность позволяет иначе подойти и к определению *государства* [15].

Современные изменения формы государства затрагивают относительно стабильные и богатые либеральные демократии. Сохраняется традиционное ядро государственности – большая политика, обеспечивающая внутренний порядок, единство и внешнее господство над стратегическими ресурсами. Значение данных сфер политики падает по мере роста коллективной безопасности и стабилизации мировой системы. Замедлилась внутренняя и внешняя динамика, которая в послевоенную эпоху была движущей силой экспансии социального государства. Одновременно возросли этнические конфликты, требования социальной и другой взаимопомощи. Произошла децентрализация властных технологий. Все это способствует развитию наднациональных государств как такой системы социального государства, в котором падает роль партийных противоположностей и требуется управление, свободное от национальных стереотипов. Национальное государство подвергается двойному давлению: сверху (со стороны глобального капитализма), и снизу (со стороны технологических изменений и этнических

движений). Эпоха национального государства как собственника стратегических ресурсов, центра принятия решений и действий в *сети международных договоров* была переходным периодом в истории человечества.

До сих пор большинство государств не смогли решить проблемы голода, холода, нищеты, высокой смертности детей и взрослых, экологических загрязнений, социальной справедливости, справедливой войны, прав человека, миграции. Большинство нормальных людей пытаются что-то делать, независимо от суверенитета. Несмотря на это, не сдает своих позиций убеждение: суверенитет государства есть благо, а посторонние «добрые дяди» не должны вмешиваться в чужие дела. Господство одного из указанных убеждений определяет сферу политического действия. Рефлексия может быть направлена на попытки подавления одного из убеждений, поскольку оба обоснованы.

Попытки преодолеть патовую ситуацию путем обращения к критической теории и постмодернизму не решают проблему. Решение может появиться по мере политических изменений. Изменение среды постепенно усиливает идеал глобального общества, а появление новых государств влечет за собой расходы уже существующих государств. В любом случае доходы не превышают расходы и не могут считаться оптимальной ценой самобытности. Государства наносят громадный вред природной среде. Экологические проблемы требуют переоценки международной этики. Одни ученые и политики защищают право самоопределения, но согласны с установлением пределов государственного суверенитета. Другие разрабатывают концепцию общего блага на основе экологических ценностей. На перекрестке этих проблем возникает кардинальный вопрос: как найти такой способ реализации общего блага, который исключает привилегии сильных и богатых стран и связывает политическое действие с уважением прав всех культур современного мира? Международный порядок – это сеть договоров между государствами. Однако договор как базис отдельного государства все более оспаривается.

В современном мире проходят экспериментальную проверку нетрадиционные политические формы (типа Евросоюза), основанные на частичном согласии. Все больше внимания привлекает многосоставная демократия – поликультурная и базирующаяся на согласии форма правления. Не менее важны политические программы, составленные на основе контракта. Эти явления доказывают, что стабильна и легитимна только такая форма правления, которая основана на согласии индивидов и взаимопонимании народа и государства. Государство должно поддерживаться до тех пор, пока оно функционирует согласно правилам морали. Но эти положения нуждаются в корректировке по мере становления реальной политической угрозы: правительства либерально-демократических, постколониальных и постсоветских стран взяли под контроль избирательные процессы, а в состав настоящих и будущих политических клик рекрутируются индивиды,

считающие «нормальным» указанное положение вещей. Тем самым обостряется проблема *пределов демократии*.

Демократия отвергает утилитаризм и культивирует убеждение: рациональная дискуссия – единственный способ решения политических проблем. Но это убеждение не является фактической посылкой демократии. Информация и понимание любых проблем всегда несовершенны. Публичные дебаты часто не способствуют ни росту знания, ни единственно верному решению политических проблем и конфликтов. Демократия дисгармонична. Отдельные граждане стоят перед трудными политическими выборами без всякой гарантии найти верное решение. При решении трудной проблемы общество дебатырующих всегда придет к взаимоисключающим выводам. Чем больше политическая жизнь культивирует самостоятельность индивидов, тем труднее принять решение. Но в итоге публичного обсуждения могут возникнуть более солидные основания политических программ. Критика индивидов как жадных эгоистов и утверждение равенства – последняя надежда демократии.

Равенство жизненных шансов, благосостояния и приоритета наименее преуспевших остается неопределенным даже в АФ, которая от всех других направлений современной философии отличается наибольшей строгостью анализа [26]. Популярность равенства падает по мере роста его неопределенности. Значение равенства тем больше, чем хуже жизнь индивидов перед провозглашением равенства главной социальной и политической ценностью. Однако отказ от равенства в пользу других ценностей остается предметом дискуссии. Никто из авторов не отрицает моральное значение социального равенства. Одни отбрасывают простое равенство в пользу сложного. Другие отвергают равенство материальных условий и раздела благ между членами общества в пользу всеобщего равенства статуса. Третьи отрицают равенство статуса. Четвертые считают, что одобрение равенства ресурсов вытекает из одобрения абстрактного политического равенства всех граждан: правительство обязано признавать равенство судьбы каждого человека, равномерно учитывать интересы и заботиться о всех членах общества.

Итак, под шапкой равенства существуют разные представления. Но в любом случае из абстрактного политического равенства не вытекает социальное равенство граждан в любом смысле слова. Либеральное равенство жизненных шансов невозможно обосновать с помощью любой интерпретации политического равенства. А социальное неравенство невозможно интерпретировать так, чтобы из них вытекал конкретный принцип социального равенства независимо от моральных и политических посылок. Риторика абстрактного политического равенства скрывает эти послышки. Проблема социального равенства смещается к систематизации всех социальных конфликтов, а проблема реализации политического равенства предполагает их

разрешение. Но ни одна социальная и политическая система современности этого не сделала. Для движения по этому пути надо соединить логико-методологические посылки с тщательным социологическим анализом всех социальных и политических институтов, а также концепций благосостояния и *welfer state*. Они популярны в общественном сознании и коридорах власти, но пренебрегают проблемой.

Теория индивидуального благосостояния как удовлетворения рациональных желаний вместе с широким понятием *welfer state* позволяет описать индивидуальное и социальное благосостояние, но не позволяет установить пределы патернализма. Теория рациональных желаний определяет индивидуальное благосостояние как благо, но бесполезна при их неизвестности. Реальные желания и аргументы в пользу объективного блага - альтернатива рациональных желаний индивида. Такие аргументы обычно сводятся к рассуждениям об объективных потребностях, правах и равенстве. Описанная конструкция позволяет понимать их в терминах утверждений о содержании рациональных желаний. Конфликт данных подходов порождает бесконечные дебаты о «правильной» реакции государства на решение задачи благосостояния. При этом сторонники альтернативных подходов пытаются произвольно определять содержание рациональных желаний.

Любая дискуссия о благосостоянии обладает нормативным и дескриптивным смыслом. На нормативном уровне можно защищать разные позиции в зависимости от определения благосостояния. При этом незначительные различия в определении порождают кардинальные различия политических оценок. Понятие *welfer state* зависит от результатов дискуссий. На дескриптивном уровне поддержка любого *welfer state* меняется по мере согласия с той или иной дескриптивной моделью политики. Политику можно понимать как множество индивидуальных выборов социальных последствий принятых решений, заключение трансакций в определенных институциональных рамках и публичные дебаты при заключении договора. Только сознательный выбор конкретной концепции политики благосостояния позволяет рационально обсуждать проблему практического воплощения *welfer state*. Оно имеет право на существование в зависимости от его легитимности.

Вначале я определял *легитимность* как такое состояние политической системы и всех ее институтов, когда они обладают научной истинностью и политической правотой. В этом смысле ни одно государство не легитимно [13]. На основании аналитической политической философии легитимность можно определить как такое воплощение постулатов свободы и равенства, при котором согласие граждан с любой властью любого правительства минимально. Все властные структуры, лица и группы находятся под постоянным подозрением большинства общества. Граждане обращаются к власти в крайних случаях, и потому все политические институты находятся накануне издыхания. При малейшей возможности граждане оказывают гражданское неповиновение,

а при малейшей необходимости свергают власть. На этом пути приобретает особое значение ценность братства.

Братство не сводится к выбору между нейтральностью и общим благом, автономией и общими целями. Проблема братства заключается в объяснении причин национализма, а также схем, которые он предлагает для управления в рамках национальной общности. Если политическое бытие нации определяется государственными границами, то проживающее в таких границах население не является братской общностью. Либеральные принципы равенства и свободы не выходят за рамки государственных границ. А коммунитаристские концепции общего блага и достойной жизни не являются всеобщими, поскольку модифицируются государственными границами. Поиск оснований принципа братства остается актуальной проблемой, которая не разрешена ни классическими, ни постклассическими идеологиями. По сравнению с тотальной критикой современного индустриального общества и главных идеологий современности проблема братства - наиболее слабый пункт коммунитаризма.

Сепаратизм только угрожает мифу о неизменности государства, тогда как автономизм направлен против суверенитета [31]. Сецессии не подрывают принцип современного международного порядка, согласно которому отношения суверенных государств регулируются международным правом. Победа автономизма приведет к тому, что суверенное государство станет исключением, а не правилом существующего миропорядка. Проблема сепаратизма разрешима в рамках существующей структуры международного права и международных отношений. Сепаратизм – это крайняя реакция на конфликты и борьбу групп за самостоятельность внутри государств, граница на шкале этой борьбы. Аргументы *за* и *против* отделения позволяет систематизировать проблемы групповых конфликтов, включая оправдание сепаратизма.

Наиболее распространены следующие аргументы права групп на сецессию: ликвидация последствий прошлых аннексий; самозащита; дискриминация в распределении. Сецессия – это разрыв прежних политических обязательств и переход территории под власть нового государства. Поэтому каждый аргумент *за* отделение должен обосновывать права сепаратных групп на данную территорию. Для создания теории сецессии надо рассмотреть не только аргументы *за*, но и *против* отделения. Наиболее популярны два: преодоление анархии; избежание политических торгов, подрывающих принцип большинства. Сецессия – крайняя форма разрешения групповых конфликтов в государстве. Теория международных отношений объясняет и обосновывает сферу и пределы действия множества прав сецессии. По мере общего согласия с данной теорией возможно радикальное изменение существующих концепций государства, суверенитета и международного права.

Международная политика позволяет усомниться в моральном смысле государственного суверенитета. Большинство государств до сих пор не решили

проблемы голода, холода, нищеты, высокой смертности населения, экологических загрязнений, социальной справедливости, справедливой войны, прав человека, миграции. Большинство нормальных людей пытаются что-то делать вопреки суверенитету. Но по-прежнему существует традиционное убеждение: суверенитет есть абсолютное благо, а другие государства не должны вмешиваться в чужие дела. Оба убеждения обоснованны, но господство одного из них определяется политическими действиями. Теоретическая рефлексия может быть направлена на попытки подавить одно из них.

Некоторые ученые стремятся преодолеть патовую ситуацию путем обращения к критической теории и постмодернизму. Но таким способом невозможно решить перечисленные проблемы. Решение может появиться по мере политических изменений. Изменение среды постепенно усиливает идеал глобального общества, а появление новых государств всегда влечет за собой расходы старых государств. В любом случае доходы не могут считаться оптимальной ценой самобытности. Нынешние государства наносят громадный вред природной среде. Поэтому экологические проблемы требуют переоценки международной этики.

Но здесь позиции расходятся. Коммунитаристы защищают право самоопределения, соглашаясь с установлением пределов государственного суверенитета. Космополиты разрабатывают концепцию общего блага на основе экологических ценностей. На перекрестке этих проблем возникает кардинальный вопрос: как найти такой способ реализации общего блага, который исключает привилегии сильных и богатых стран и связывает успешное политическое действие с плюралистическим уважением прав всех культур современного мира? Ответ на вопрос содержится в современных трансформациях *прав человека*.

Права человека не сводятся к свободе [23]. В их основе лежит идея автономного индивида, который устраивает жизнь по своему усмотрению. Эта идея включает достойную жизнь в соответствии с нормами субъективности, выбора и личной ответственности. Каждый человек оценивает свою субъективность и на основе запрета противоречия должен оценивать жизнь любой другой субъективности. Если индивид отвергает субъективность другого человека, его рассуждение и поступки иррациональны. Окончательное решение этого вопроса входит в область метаэтики. В любом случае субъективность играет важную роль в современных дискуссиях о правах человека. Привлекательность прав человека объясняется тем, что они гарантируют каждому индивиду право жить в соответствии с собственными чувствами и разумом. Таков современный смысл принципа Канта: человечество в каждом индивиде есть цель сама по себе, а не средство достижения других целей. Важнейший моральный факт человечества - способность каждого человека пользоваться субъективностью согласно практическому разуму. Однако

большинство людей руководствуются своим и чужим своекорыстием. Отсюда вытекает физическое, политическое и духовное рабство как разновидности несамостоятельной жизни. Современное государство закрепляет эти виды рабства.

Среди них главную роль играет *собственность*. Современная теория собственности – это легитимизация частной собственности путем анализа и интеграции ее политических, экономических, правовых, психологических и социологических аспектов. Но легитимизация частной собственности стоит перед неразрешимой проблемой: как устранить разрыв между общей ценностью как исходным пунктом аргументации и спецификой конкретных систем собственности, которые нуждаются в легитимизации? Элементы любой реальной системы собственности противоречат друг другу и не поддаются согласованию. Примерами такого противоречия могут быть ряд концепций собственности. Непротиворечивая легитимизация собственности невозможна по причине одновременной связи и конфликта между собственностью, свободой и производительностью труда. При этом приходится использовать только те элементы обоснования, которые способны выдержать теоретическую критику и политическое противодействие. Но для реализации такой системы собственности надо либо установить всемирную демократию, либо ограничить частную собственность в пользу распределения. Однако детальный анализ существующих концепций показывает, что все аргументы, апеллирующие к правам, не в состоянии ни адекватно описать, ни обосновать общество, в котором одни индивиды владеют огромной собственностью, а у других почти ничего нет. Шаблон права собственности как исконного права человека в лучшем случае шарлатански используется для обоснования вопиющего неравенства современных обществ.

Изменение одного аргумента в общей цепи аргументации ведет к противоположным выводам. При создании общей теории собственности возникает проблема пределов обоснования. Частная собственность не может быть обоснована никакими частными аргументами. А попытка связать разные концепции для создания общей теории собственности требует отвергнуть реальное бытие любой системы собственности. Все большее число специалистов предлагает реформировать институт частной собственности. Чем больше рыночная экономика влияет на реальность современного мира, тем больше потребность реформы. Такой главный вывод современной теории собственности, непосредственно связанный с проблемой *справедливости*.

В основе человеческого стремления к справедливости лежат не столько реальные потребности, сколько жадность, эгоизм, зависть. Поэтому справедливость нередко превращается в суррогат морали. Честный человек постоянно сталкивается с ситуациями, в которых дихотомия эгоизма-альтруизма выходит за пределы справедливости и не решает проблему распределения [30]. Существует целая сфера опосредованных социальных

чувств и способов поведения. Они смешивают справедливость и альтруизм, передают реальные и мнимые предметы во имя справедливости или являются добровольной реализацией справедливости. Эта сфера конституируется солидарностью, которая удерживает общество от распада. Справедливость – это социальное свойство, которое определяется традициями, культурой, смыслами и практиками. Для анализа генезиса, воспроизводства и модификации нормы справедливости требуется разработка понятий и выводов чистой теории справедливости. Такая теория невозможна без использования разнообразного эмпирического материала, систематизировать который помогает понятие *эффективности*.

В современной политической теории зафиксирован конфликт равенства и эффективности (в смысле Гоббса), который обусловлен зависимостью производительности индивида от стимулов. Индивидуальные стимулы надо использовать для производства наибольшего количества товаров, подлежащих распределению и преимущественного вознаграждения эффективных производителей большей долей богатства, доходов и потребления по сравнению со средним уровнем. Ролз ограничил выбор возможных результатов для устранения неопределенности эффективности (в смысле Парето). Ролз подчеркивает значение неопределенных ценностей и целей (беспристрастие, достоинство, автономия индивида). Гоббс в аналогичном случае ссылаясь на эпистемологическое незнание. Коуз использует рыночные ценности для заключения сделок, позволяющих выходить за рамки закона. Ролз использует критерий равенства для элиминации множества возможных политических решений и формулировки императива: наименее обеспеченные должны жить лучше всех. Вслед за Гоббсом Ролз анализирует общую структуру политико-правового порядка и (в отличие от Коуза) не занимается частными взаимодействиями в рамках установленного политико-правового порядка.

Итак, политическая теория не может быть обоснована утилитаризмом. Парето описал эпистемологические трудности межиндивидуальных сравнений, но некоторые ученые (Ролз) одобряют межиндивидуальные сравнения при обосновании первичных благ. Утилитаристы вынуждены избрать эффективность в смысле Гоббса и Коуза, а не коллективные сравнения благосостояния. При несогласии с Гоббсом и Коузом вынуждены определить альтернативное понятие динамичной эффективности как основу политической теории. Если они не в состоянии это сделать, возникает кардинальная проблема: фундаменталистская концепция Гоббса противоречит частной концепции Коуза. В любом случае проблемы случайности прав и борьбы за этнический контроль территории остаются неразрешенными, что способствует воспроизводству тоталитаризма.

Главное свойство *тоталитаризма* – постоянная нестабильность, которая существует до тех пор, пока руководитель и центр государства претендуют на главное положение в обществе. Сегодня тоталитаризм официально свергнут

под влиянием процессов модернизации - образования, рационализации и интернационализации типов поведения, от которых зависит развитие современной экономики. Но модернизация включает воспроизводство элементов тоталитаризма, в состав которых входит и федерализм.

Федерализм – это способ ограничения власти центральных правительств и достижения индивидуальной свободы только с учетом всех федераций всех эпох. На этой основе можно классифицировать политическую историю всех государств. Но успех федерализма как способа объединения ресурсов и защиты свободы привел к тому, что современные политические идеалисты надеются приспособить федерализм к новым условиям. Одни хотят создать глобальное мировое сообщество, другие - федеральную Европу, третьи – СНГ, четвертые - Россию. Однако глобализация и регионализация (как на мировом, так и на уровне континентов и стран) есть утопия. Должен существовать внешний враг и цель агрессии как главная причина объединения ресурсов. В противном случае никто не пожертвует независимостью ради единства. Глобальная федерация исключает существование врага и повода для нападения, поэтому нет причины объединения ресурсов. Успех или поражение разных вариантов федерализма будет способом проверки истинности (или ложности) аргументов о природе федерации, включая концепции законности и конституционализма.

Законность – это элемент справедливости в обществах, моральная и политическая культура которых серьезно относится к правам человека. Единство моральной и политической культуры выражается в добродетели. Этика добродетели изучает проблему социально-экономических и политических прав человека. Ее основания отличаются от утилитаристских посылок защитников прав человека. Властвующая элита поступает несправедливо, ограничивая критику всех решений и действий правительства. В итоге политические институты несправедливы. Права человека связаны с самодостаточностью. Человек имеет право устранить такие социальные и политические институты, которые ограничивают его права и свободы. Любой запрет свободы слова несправедлив и отражает конфликт самодостаточности и добродетели. Добродетель позволяет укоренить права человека в категориях этики. На этом пути возникает ряд проблем: паразитизм как зависимость от *welfare state*; причины скептического отношения к политическим правам; мотивы убеждения, согласно которому демократия понижает уровень материального благосостояния большинства людей; соотношение нищеты (бедности) и справедливости в современных обществах. Стоический идеал самодостаточности не объясняют природу демократических и либерально-эгалитарных ценностей. Корпоративизм и синдикализм – это социальные формы, которые укрепляют несамодостаточность индивида и могут быть предпосылкой паразитизма.

Республиканская свобода сопротивления любым политическим институтам аналогична либеральной негативной свободе. Реализующие свои цели

индивиды не могут полностью освободиться от взаимного влияния. Нужен критерий для решения вопроса: какие аспекты личной независимости требуют поддержки закона? Классический либерализм считал таким критерием право, а либертинизм - негативное понятие права. Республиканская идея негативной свободы сдвигает, но не решает проблему. Например, в современном обществе существует неравенство на рынке труда. Сколько равенства надо гарантировать, чтобы каждый индивид свободно сопротивлялся неравенству? Сопротивление граждан традиционной республики определялось их независимой собственностью. Теперь актуален поиск такого принципа эгалитаристской республики, который займет место прежних концепций. Республиканизм рубежа XX-XXI вв. сосредоточен на проблеме *критерия* признания того или иного индивида гражданином. Либерализм обходит проблему, разделяя вопросы источника власти и осуществлении власти. Теория демократии изучает первый вопрос. Теория республики ищет ответ на оба вопроса. В этом контексте возникают нетривиальные подходы к пониманию доверия и толерантности.

Классики (Гоббс, Локк, Руссо, Гегель) не разработали убедительной теории политических обязанностей, которая бы объясняла, почему граждане множества государств должны признавать обязательность (а не опасность) законов того государства, в котором они живут. Зато классики участвовали в практической политике и нередко давали убедительные ответы. Усилия современных теоретиков по описанию рациональных действий не привели к успеху. Современные теоретики социальной справедливости строят моральные теории решения политических проблем в пределах демократического пространства. В этом пространстве моральное сознание теоретика гипотетически соответствует сознанию читателя. Но моральная рефлексия философа не выше аналогичной рефлексии рядового гражданина. Теоретики обычно строят теории без параллельного развития конкурирующей концепции. Она должна определить место морали (как современного эквивалента законов природы) в человеческой жизни, анализировать и изменять моральное сознание и поведение читателей. Но современные теоретики пока не переосмыслили природу политического пространства, в котором принимаются (отвергаются) те или иные концепции. Они молчаливо исходят из разных версий объективированного и отчужденного образа этого пространства. Тем самым предлагается аполитичный ответ на острый политический вопрос.

Отсюда вытекает дилемма: если сторонники таких версий правы, их концепции осуждены на политическое бессилие; если ошибаются, это сужает цели моральной и политической мысли и не учитывает политические шансы моральной рефлексии. Фактические ошибки философов обсуждаются и отвергаются специалистами в сфере социальных наук. Но это не отменяет потребности философского ответа при одновременном отбрасывании любых метафизических систем. Ответы должны учитывать и синтезировать главные

элементы конкретной сферы познания. Эпистемологическая концепция политики менее отчуждена и объективизирована по сравнению с остальными. Политика – это пространственно-временное поле действия множества свободных субъектов по решению проблемы свободы. В такой политике рациональное доверие было и остается фундаментальной проблемой. Об этом свидетельствует содержание толерантности.

Практическая проблема пределов толерантности нуждается в постоянном обсуждении. Фундаментализм позволяет критически изучать политические убеждения, связанные с либеральным признанием индивидуальности, свободы и политического разума верховными ценностями. Либерализм зависит от определенной конфигурации конечных целей и духовного порядка, но либеральная политическая философия не в состоянии обосновать ни один из этих факторов. Толерантность не есть особая позиция, допускающая инакомыслие. Она все более переплетается с фундаментализмом и фиксирует пределы политического решения всех перечисленных проблем.

Резюме

Аналитические дисциплины сформулировали ряд конкретных проблем, категорий, понятий и принципов анализа философских, экономических, социологических, политологических и историографических аспектов политического бытия и мышления. Следовательно, выводы аналитических дисциплин можно применять для оценки состояния всех перечисленных наук, а также для описания и оценки политических трансформаций в России. Синтез аналитических дисциплин дает принципиально иную структуру познавательных и практических проблем политической теории.

Аналитический подход к политической теории позволяет уточнить ее основные понятия и дать строгую систематизацию возникающих проблем. Следующий этап - эмпирическая проверка всех сформулированных положений в контексте истории и функционирования конкретного общества и государства. Для этого надо пересмотреть существующие концепции и практику прикладной политологии, поскольку она в наибольшей степени зависит от политической конъюнктуры. Подожду подсказки читателей...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аналитическая философия*. Избранные тексты. М., 1993.
2. *Бакеркина В.В., Шестакова Л.Л.* Краткий словарь политического языка. М., 2002.
3. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
4. *Время мира*. Выпуск 1. Историческая макросоциология в XX веке. Под ред. Н.С.Розова. Новосибирск, 2000.

5. *Гириц К.* Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 1(29).
6. *Грязнов А.Ф.* Вступительная статья // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. Общ. ред. А.Ф.Грязнова. М., 1998.
7. *Зиновьев А.* Русская судьба. Исповедь отщепенца. М., 2000.
8. *Капустин Б.Г.* Что такое политическая философия? // Политические исследования. 1996. № 6; 1997. № 1-2.
9. *Карпенко А.С.* Логика в России. Вторая половина XX века // Вопросы философии. 1999. № 9.
10. *Кревельд М., ван.* Расцвет и упадок государства. М., 2006.
11. *Макаренко В.П.* Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М., 2002.
12. *Макаренко В.П.* Аналитическая философия права: проблемы и перспективы // Правоведение. 2002. № 6.
13. *Макаренко В.П.* Власть и легитимность // Россия-США: перспективы политического развития. Ростов-на-Дону, 1993.
14. *Макаренко В.П.* Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону, 2000.
15. *Макаренко В.П.* Государство и политический реализм: пути когнитивного сопротивления // Космополис. Журнал мировой политики. 2006. № 1/15.
16. *Макаренко В.П.* Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социологические исследования. 1996. № 11; 1997. № 7.
17. *Макаренко В.П.* Кавказ: концептологический анализ // Социологические исследования. 2001. № 12.
18. *Макаренко В.П.* Намерения и последствия: когнитивные аспекты демократии // Полис. 2002. № 4
19. *Макаренко В.П.* Политическая концептология // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Материалы Международного симпозиума. Т.3. СПб, 1996.
20. *Макаренко В.П.* Политическая концептология: обзор повестки дня. М., 2005.
21. *Макаренко В.П.* Политическая философия. Ростов-на-Дону, 1992.
22. *Макаренко В.П.* Политический дискурс: между бессмыслицей и порочным кругом // Вестник МГУ. Серия «Социология и политология». 2005. № 2.
23. *Макаренко В.П.* Права человека и собственность // Общество и экономика. 2004. № 7-8.

24. *Макаренко В.П.* Правительство и бюрократия // Социологические исследования. 1999. № 3.
25. *Макаренко В.П.* Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М., 2000.
26. *Макаренко В.П.* Равенство: логико-методологический анализ // Общество и экономика. 2003. № 11.
27. *Макаренко В.П.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, 1998.
28. *Макаренко В.П.* Свобода и грязное дело // Вопросы политики. Вып. 8. Волгоград, 2005.
29. *Макаренко В.П.* Социология и политическая философия // Социологические исследования. 2004, № 8.
30. *Макаренко В.П.* Справедливость и проблема изменения status quo // Экономические науки. 2006, № 2.
31. *Макаренко В.П.* Теория сецессии: послылки, аргументы и следствия // Вестник МГУ. Серия «Социология и политология». 2006. № 2.
32. *Макаренко В.П.* Технократические мамелюки. Ростов-на-Дону, 2000.
33. *Макаренко В.П.* Толерантность в контексте фундаментализма: аналитический подход // Либеральный консерватизм: история и современность. Москва, 2001.
34. *Макаренко В.П.* Феномен квазиполитики и проблема политических объектов // Вестник МГУ. Серия политических наук. 1998. № 2-3.
35. *Макаренко В.П.* Ното есоnотісус и средний избиратель: парадоксы общего выбора // Общество и экономика. 2002. № 3-4.
36. *Неретина С.С.* Концепт // Новая философская энциклопедия в 4-х томах. Т.2. М., 2001.
37. *Огурицов А.П.* Аксиологические модели в философии науки // Философские исследования. 1995. № 1.
38. *Ослунд А.* Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М., 2003.
39. *Рассел Д.Б.* Дьявол: восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб., 2001.
40. *Репортаж о презентации книги В.Макаренко* // http://fppr.org.ua/articles/Makarenko_reportaz.htm
41. *Розов Н.С.* Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995. № 12.
42. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX в. М., 1997.

43. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.
44. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000;
45. *Сол Дж.Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2006.
46. *Суверенитет.* Сост. Н.Гараджа. М., 2006.
47. *Философия не кончается...* Из истории отечественной философии. XX век. 1960-80-е годы. М., 1999.
48. *Хиришман А.* Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социологические исследования. 2001. № 3.
49. *Чешков М.А.* Неозтатизм: мировые и локальные измерения // Политические исследования. 1996. № 2.
50. *Эпштейн М.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004.
51. *Ясперс К.* Вопрос виновности // Знамя. 1994. № 1.
52. *Makarenko W.* Samotna wspolnota: wprowadzenie do filozofii politycznej. Rzeszow, 1999.